

XII Молодежный поэтический фестиваль «Великий праздник молодости чудной»

2026 год

Номинация «Эссе о жизни и поэзии Ф.И. Тютчева»

1 место: Елизавета Розанова, 20 лет, Москва

Студентка Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина, филолог

ГОЛОС ТЮТЧЕВА. ВЕЛИКОЕ МОЛЧАНИЕ

«В начале было Слово», – Ин. 1:1. Так начинается Евангелие – утверждением света, смысла и Божественного Логоса. Слово – первооснова мира, начало бытия. Слово *упорядочивает* хаос, выражает мысль. Но что было до Слова?

Мы знаем Ф. И. Тютчева как государственного служащего, филолога, философа. Но его можно считать и поэтом-космистом. Он первый в русской поэзии, кто поставил вопрос о *дословесном, досветовом, дологическом* пространстве Слова.

В Логосе *отражаются* и Тьма, и Свет. С помощью поэтического слова художник показывает нам борьбу и со-существование этих начал.

Но тьма у Ф. И. Тютчева – это не абсолютное отсутствие света. Это среда рождения сакрального смысла. Он часто пишет о ночи, о бездне, хаосе, невыразимости. И в этом пространстве, где сознание еще не оформлено в язык, лирический герой Ф. И. Тютчева все время молчит: «И бездна нам обнажена / С своими страхами и мглами», «В душе своей, / Как в бездне погружен», «И человек отчаянно тоскует... / Он к свету рвется из ночной тени». Да, он тоскует, наблюдает, боится, рвется к свету, но молчит.

Приведем пример из жизни. Есть особенные пограничные состояния, которые мы переживаем: смутная тревога, неясная радость, ощущение «чего-то», предчувствие. В русском языке это хорошо выражено в неопределенных местоимениях (*нечто, некто, кто-то* и др.). Пока они не названы, эти состояния не имеют четких границ, они многослойны, потоковы, находятся внутри нас. Это предъязыковой опыт. Что делает Слово? Когда мы говорим другу, что мне грустно, мы: выбираем определение, ограняем оттенки, фиксируем состояние, превращаем поток в форму. Слово всегда выделяет, структурирует, ограничивает, упрощает (или усложняет). Мы пока не сможем передать словом всю глубину состояния, даже если скажем «мне очень грустно», «мне неистово грустно», «я грущу как никогда» и так далее. А это значит:

Мысль изреченная есть ложь

Ф. И. Тютчев

Конечно, это не отказ Ф. И. Тютчева от речи и, конечно, не желание автора нас обмануть. Вчитаемся в текст стихотворения «Silentium!»: «Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои...» – не потому, что мир враждебен, не из страха перед непониманием или цензурой. Причина глубже: «Лишь жить в себе самом умей – / Есть целый мир в душе твоей». Внутренний мир объявляется Ф. И. Тютчевым полноценным

космосом, существующим до всякого выражения. Стоит только вынести даже его часть наружу – и он утрачивает целостность. Слово дробит, фиксирует, упрощает смыслы. Потому мы и не можем передать собеседнику всю глубину чувства, которое испытываем. Оно широко как космос во Вселенной и одно, два, десять слов пока не способны отразить все его грани.

Таким образом, Ф. И. Тютчев совершает *поэтический переворот*: он переносит центр тяжести с произнесенного на сокрытое. Если в Евангелии Слово – начало бытия, то у Ф. И. Тютчева произнесенное слово уже вторично, как бы запоздало. Истина живет раньше – в доязыковой тишине, когда мысль еще не стала звуком. И Ф. И. Тютчев оказывается не столько поэтом слова, сколько его *предела*. Поэтом той напряженной паузы, из которой рождается и в которую неизбежно возвращается Слово. Именно поэтому он поэт-космист. Его «голос» – это голос молчания, космического и человеческого одновременно. И, возможно, в эпоху непрерывного говорения, информационного шума он звучит особенно современно и близко нам.

Но не только для нас звучит голос Ф. И. Тютчева – о молчании. Он звучал и для всего Серебряного века. Спустя 80 лет после написания Ф. И. Тютчевым «Silentium!» появляется второй «Silentium» у О. Э. Мандельштама:

*Да обретут уста мои
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!*

*Останься пеной, Афродита,
И слово в музыку вернись,
И сердце сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!*

О. Э. Мандельштам

Немота здесь вовсе не отсутствие смысла. Напротив, она походит на «кристаллическую ноту» – идеальную, чистую, не искаженную. Кристалл – символ формы, которая возникает из глубины вещества, нота – гармония. Значит, речь идет о состоянии, в котором смысл еще не оформлен в язык, не разделен на слова. Это состояние гармонии, космическое состояние тишины. Именно здесь ощущается тютчевское присутствие.

Если у Ф. И. Тютчева «Мысль изреченная есть ложь», то О. Э. Мандельштам ищет ту точку, ту *кристаллическую ноту*, когда Слово только готовится родиться. Он стремится вернуться к дословесной тишине, из которой возникает звук.

Чрезвычайно показателен образ Афродиты, которая, согласно мифу, рождается из морской пены. О. Э. Мандельштам как бы возвращает обратно богиню, в момент первотворения: «Останься пеной Афродита» – приказывает поэт. Пусть форма растворится в первооснове, пусть Слово «вернется в музыку», то есть перестанет быть фиксированным знаком и снова станет чистым звучанием, первоначальной вибрацией. Этому мы можем научиться только у великого Мастера. У Ф. И. Тютчева.

2 место: Коваленко Анастасия, 17 лет, Клинцы, Брянская область
Ученица 10 «Б» класса МБОУ СОШ №9 им. А.Г.Карлова

**Между Небом и Землей: Федор Тютчев как живое пламя духа
в зеркале Аркадия Петрова**

Федор Иванович Тютчев - не поэт негромких слов, а целая Вселенная мысли и чувства, квинтэссенция интеллектуальной страсти, пронзительной лирики и самое главное - человек прямой души. В работах Аркадия Петрова « Личность и судьба Федора Тютчева», « Небесный огонь» его фигура предстает перед нами как живое, пульсирующее явление, чья судьба неотделима от этого поэтического гения.

Аркадий Петров в своей книге « Личность и судьба Федора Тютчева» рисует портрет двуликого Януса. Федор Тютчев - дипломат, вращающийся в высшем свете европейских столиц, казалось бы, был далек от возвышенного. Однако именно там, среди суеты, чиновничества, политических интриг, зародился тот внутренний мир, который пролился божественным светом в его стихах.

Исследователь утверждает, что « судьба Тютчева - это не череда событий, а лабиринт переживаний, каждое из которых становилось эхом невысказанной мысли, трамплином для поэтического полета». Поэт был человеком двух миров: одного, видимого и земного, другого - сокровенного, где душа ведет диалог с Вечностью.

Тютчев - блестящий собеседник, державший под покровом свои глубокие переживания. Он не был кабинетным ученым, в нем уживались светский лев и отшельник, скептик и мистик. Именно эта внутренняя борьба питала его поэзию.

Личные драмы Ф. Тютчева, его страстные и мучительные романы, Петров интерпретирует не просто как биографические факты, а как проявление универсальной борьбы духа и плоти, света и тени:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Эти строки говорят о фатальности человеческой любви, ее способности возносить до небес и низвергать в бездну. В каждом стихотворении о любви, как отмечает Петров, сквозит тютчевская склонность к метафизическому осмыслению обыденного.

Книга Аркадия Петрова « Небесный огонь» погружает нас в ту часть мира гения, где поэзия становится прямым откровением, мостом между миром земным и миром небесным. Здесь Тютчев предстает как пророк, способный видеть и чувствовать неизмеримые потоки Вселенной.

Петров убежден, что «поэзия Тютчева - это мерцание небесного огня, проникающего сквозь завесу обыденного, позволяющего увидеть хаос, лежащий в основе мироздания, и почувствовать его дыхание. Для поэта природа - это не пейзаж, а живое, одухотворенное существо, а ночь не просто отсутствие света, а иное измерение бытия.

В тютчевских стихах природа не статична: она дышит, мыслит, чувствует, живет:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик...
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Эти слова, по мнению Петрова, являются ключом к пониманию гения поэта. Он не просто любит пейзаж, он вслушивается в его безмолвный язык, ощущая величие и изначальную тайну.

Небесный огонь поэта особенно ярко проявляется в его обращении у ночи. Ночь-это не просто мрак, а космическая мистерия, время, когда проступают истинные, хаотические основы бытия:

О, этот юг, о, эта Ницца...
О, как их блеск меня тревожит —
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...

«Мысль изреченная есть ложь». В контексте «Небесного огня» знаменитая фраза из стихотворения «Silentium!» приобретает новое звучание. Критик подчеркивает, что это не призыв к молчанию, а осознание трагической невозможности передать подлинное космическое переживание обычными словами. Истинный «небесный огонь» духа не вмещается в рамки человеческой речи.

Одной из самых поразительных черт Тютчева, которую А. Петров, несомненно, выделяет, является его способность вложить бесконечность мысли в сжатое поэтическое пространство. Его метафоричность, краткость и глубина делают каждое стихотворение не просто произведением искусства, а философским трактатом, сжатым до кристально чистого образа. Именно в этой способности зажигать «небесный огонь» в словах и заключается величие поэта. Каждая строка Тютчева - это искра, способная разжечь в душе читателя целый пожар размышлений.

Ф. И. Тютчев, каким его показывает Аркадий Петров в своих работах, - это глыба поэзии. Его личность, полная противоречий и глубоких переживаний, и его судьба, насыщенная как внешними событиями, так и внутренними потрясениями, стали плодородной почвой для рождения «небесного огня» его поэзии. Он был пророком, способным узреть изнанку бытия и передать это уникальное прозрение в словах, что и по сей день продолжают светить, как далекие, но яркие звезды.

3 место: Леньшина Лидия, 22 года, Москва

Студентка Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина, филолог

Тютчевский космос: «душа хотела б быть звездой»

Размышления о космосе, за которыми следуют размышления о нашем месте в этом вечном пространстве, не могут не приводить к философским изысканиям по вечным вопросам: кто есть мы? что за пределами Земли? одни ли мы во Вселенной? где ты, Творец? что есть вечность?

Пока человек способен поднимать свою голову к небесам и видеть «звездную ткань» нашего мира, он не может не задавать эти вопросы. Творческий же человек, художник, композитор, поэт, существует, не видя потолка над собой. Каждый раз, вознося глаза свои наверх, будь то в комнате, на улице, не видит он преград, чтобы дотянуться до неба.

Тютчевский космос — это разговор и про мировоззрение поэта, и про физическое ощущение и понимание этого пространства как пространства мысли и смыслов. Но космос — это мир, а его жители — это звезды. И они становятся проводниками в вечность в тютчевской поэзии.

Все мы знаем Федора Ивановича Тютчева как мастера поэтического искусства. Особенно нежно любим стихотворения о природе, о временах года, «денисьевский цикл», но что, если мы поднимем голову и обратим лицо к Абсолюту — теперь уже не видно «паутины тонкий волос, который блестит на праздной борозде...» или гонцов молодой весны, не встретим кого-то, чтобы «все бывшее в отжившем сердце ожило». Ф. И. Тютчев оставил нам *звезды*. И может показаться, что это не про нас грешных, это где-то так далеко и совсем не затрагивает человеческую жизнь, но в астрофизике есть теория, согласно которой часть элементов были выброшены в межзвездное пространство умирающими звездами, а не изначально существовали во Вселенной. Например, среди этих элементов — железо. Поэтому смотря на свои кисти рук с просвечивающимися голубыми венами, мы буквально видим частички звезд в своей крови. И теперь это совсем не далеко, теперь это про то, что внутри нас. Однажды астрофизик Карл Саган подметил: «Мы сотворены из звездной пыли». И многие это чувствуют, а некоторые заставляют ощутить эту близость, это единение. Обратимся же к «звездам Тютчева».

Петербург или Москва. 1859 год. Уличная освещенность совсем не такая, как сейчас. Свет фонарей не способен ни коим образом затмить блистающую россыпь на темном куполе. Поистине «звездное стихотворение» «Есть много мелких, безымянных...» ведет нас по ночному небу меж одиноких созвездий. Тютчевские звезды — это не достигаемые вершины. С первого взгляда лишь кажется, что поэт делит их на «безымянные» и «пламенно-живые», противопоставляя их масштаб. Но дело не в звездах, дело в близорукости наших глаз. «И как они бы не светили, не нам о блеске их судить» — нашему несовершенному зору не доступны эти дальние песчинки, поэтому мы не можем по их «тусклому» свету оценивать величие. Тютчев это доверяет, и то не с уверенностью, точной технике, которая обладает «дивной силой» — телескопу. Но есть такие звезды, которые осилит и плоховидящий, и близорукий человек, и даже слепец. Речь ведь не о физической невозможности нас как биологических существ, а о масштабе этих «иных

созвездий». Они сравниваются с «солнцами», а в человеческом мировоззрении оно одно — наше солнце, и сравнивается их ночное сияние с солнцами, что удивительно — ведь солнца ночью мы не видим. Какой же силы и мощи эти иные звезды, что такое поэтическое сравнение стало возможным. Именно эти звезды сокращают дистанцию между человеком и космосом, человеком и небом («Они — краса небес родных»). Тютчевский космос близок к нам, до него как будто можно дотронуться, в отличие, например, от Ломоносовского высокого бездонного космоса. Вспомним «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния». Человек здесь ничтожен по сравнению с космосом, он «как песчинка в морских волнах», а ночное небо — это бездна, постичь, которую мы не способны. «Тютчевские звезды», наоборот, «они сияют *нам* в ночи», их свет становится путеводным, благом. Таким образом, они предстают проводниками «и на море, и на суше».

Стихотворение «Есть много мелких, безымянных...» передает нам эмпирический опыт знакомства со звездами — через органы зрения, а вот стихотворение «Душа хотела б быть звездой...» дарует нам язык чувств и ощущений. Сама фраза «душа хотела б быть звездой» становится первой точкой для философского размышления. Как живая, человеческая душа может, хотеть быть холодной, мертвой звездой? Как нечто неосознаемое и идеальное может воплотиться в материальное? Ф. И. Тютчев соотносит маленькую душу, у которой нет физических границ, с огромными водородногелиевыми шарами, которые, в свою очередь, обладают границами. Это то, что опять сближает человеческий мир и космический. Конечно, в этом стихотворении активно развита тема стремления к идеалу в лице этих самых звезд, поскольку они — вечны, постоянны в сравнении с короткой людской жизнью, и даже тогда, когда мы их не видим. А они хороши и ночью, когда земной мир погружен в сон, и днем, когда сокрыты от наших глаз. Удивительно, что с логической точки зрения солнце освещает все вокруг, делает видимым, но не звезды. «Палящие солнечные лучи» становятся пеленой для наших глаз, но от этого космическая жизнь не останавливается. Даже больше. Теперь звезды нежатся в эфире, который здесь возникает не случайно, как и сравнение с божествами. В античной поэзии эфир — это верхний, самый чистый и тонкий слой неба, где обитают боги и светила. И в этом состоянии полного величия и превосходства звезды «горят светлей». Ф. И. Тютчев умело сохраняет равновесие между полным обожествлением и оставлением жизни в своих звездах. Ночью они продолжают быть «живыми очами». Этот мотив встречается в греческой мифологии. Звездное небо часто представлялось в качестве многоглазого великана Аргуса. Из-за количества глаз и того, что часть из них спала, а другая могла бодрствовать, Аргус был отличным стражником. Боги особенно ему доверяли, в частности богиня Гера дала задание охранять возлюбленную Зевса Ио, которая была превращена в корову, именно Аргусу. В обоих стихотворениях отчетливо читается тезис, о котором мы часто забываем: наше человеческое восприятие иллюзорно, бывает даже иногда ничтожно, но высшие материи — константы бытия. Эта мысль совсем не о малости или несерьезности человеческого бытия, а в большей степени о величии мира вообще, о его сложности и о нашей временности, о стремлении к этому состоянию вечности, покоя, которое Ф. И. Тютчев находит в звездах.

В массовом сознании Федор Иванович Тютчев запомнился в основном как мастер пейзажа, именно стихотворения «Весенняя гроза», «Есть в осени первоначальной...» мы

учили наизусть на уроках литературы в школе. Конечно, его любовная лирика тоже всегда была на слуху. Сложно найти человека, который не слышал бы первых строк этого стихотворения — «К. Б. (Я встретил вас, и все былое...)». Но часто творец становится заложником своих именитых творений, что сужает *гений поэта*, ограничивает его набором исключительных тем. В то время как талант его непомерно велик, душа широка, глубина непостижима. Такой он и тютчевский космос, такие и тютчевские звезды.